

Горсть земли

Рассуждать о стихах — зряшное дело. Лучше читать их, оставаясь с глазу на глаз с автором, соглашаться, спорить, волноваться, надеяться, обольщаться, разочаровываться, страдать, радоваться вместе с ним. А вот о поэте иногда стоит поговорить и, наверное, чем раньше, тем лучше. Но если уж не случилось раньше, так хотя бы позже.

Многие в Одессе еще не забыли надежного в дружбе и незаменимого в дружеском застолье Макса Фарберовича, толкового инженера, который занимался очисткой воздуха, чтобы людям легче дышалось, и искреннего поэта, который писал стихи, дабы людям легче жилось в этом суетном, но прекрасном мире. Серым, полным тревожного ветра ноябрьским днем 1997 года он уезжал в Израиль на теплоходе "Дмитрий Шостакович", который остался у причала памяти многих земляков.

Потаенная печаль, наигранная бодрость, вымученные улыбки и глоток ледяного шампанского из пластмассового стаканчика, коим даже чокнуться нельзя звонко и весело. Макс напишет потом, что "Быть может, — в горах Галилеи, / Израильским солнцем палим, / Собою остаться сумею, / А, может быть, стану иным". К его счастью и нашей радости удалось то и другое. Выступал в Литературной гостиной при Культурном центре Кармиэля, печатал стихи в тамошних газетах, входил в редколлегию альманаха "Кармиэльские встречи", выпустил сборник "Прощай, Одесса", в котором стихи разных лет, городов, весей и состояний души — озорные, исповедальные, грустные... Вспоминая отъезд из Одессы, написал:

Так тяжело в глаза детей
Смотреть, тоску тая,
Ведь за плечами сто смертей,
А впереди — моя.

Она неожиданно настигла Макса весенним воскресным утром, и пусть эти несколько строк обернутся горстью родной земли на его далекую могилу.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ